

населения в отличие от других арабских стран). Но в других государствах предстоит еще проделать колоссальную работу с затратой больших финансовых средств и привлечением тысяч специалистов. При всех трудностях, которые стоят на пути перехода кочевников к оседлому образу жизни, судьба бедуинов представляется Л. Штайну ясной. «Вымирают ли бедуины?» — спрашивает он в названии одной из глав и отвечает: «Не надо быть пророком, чтобы сказать, что бедуинство как социальное явление идет к концу» (стр. 312). Численность кочевников уменьшается за счет пополнения категории полукочевого населения. Классическое бедуинство, описанное в первой части книги, исчезает, но не физически; напротив, как свидетельствует статистика, численность бедуинов значительно быстрее растет после оседания, чем при кочевом образе жизни.

Автор объясняет, почему правительства развивающихся стран заинтересованы в оседании бедуинов. Наряду с такими факторами, как забота о росте национального самосознания, которому противостоит племенная идеология, Л. Штайн называет главную причину — экономическую. Экстенсивное хозяйство дает мало пользы для страны. В развивающихся странах быстро растет население, и задача освоения новых земель у нынешних степей и пустынь является чрезвычайно актуальной.

Закрывая книгу, Л. Штайн подчеркивает, что ведущую роль в этой борьбе за преобразование природы играет Советский Союз с его планами преобразования среднеазиатских пустынь (стр. 314, 315). На опыт СССР, в частности связанный с оседанием кочевников и орошением безводных земель, опираются специалисты Алжира, Египта и ряд других стран. Советская Средняя Азия дает лучший пример использования районов, где возможно только скотоводство. Здесь совершенно обязательно сохранять кочевое население. В среднеазиатских республиках имеются совхозы со специализированными бригадами, которые посменно пасут стада, тогда как основная масса населения живет оседло. Такая организация хозяйства и быта позволяет животноводам пользоваться всеми социальными и культурными благами, которые принес народам социализм. Богатый положительный опыт в этом отношении накоплен и в МНР.

Книга Л. Штайна очень полезна для ученых, изучающих кочевые и полукочевые народы за пределами арабоязычного мира. Эта работа побуждает специалистов вновь сопоставить бедуинов с другими кочевниками, в частности с тюркоязычными племенами Средней Азии. Поразительная близость культур заставляет вернуться к вопросу о причинах сходства. Кое-что легко объясняется самой спецификой образа жизни: это и племенная структура, и знаки племенной собственности (тамги), и племенной клич (уран), и почтительное отношение к верблюдам, и нормы поведения в обществе, обусловленные обычным правом. Отдельные черты традиционной культуры могли стать общими в итоге распространения ислама среди тюркоязычных народов. Однако ряд культурных элементов, видимо, является наследием очень древнего общеплеменного кочевых и полукочевых племен, с незапамятных времен бродивших по пустыням от Центральной Азии до Северной Африки.

Л. Штайн не ставил перед собой цель сравнивать бедуинов с другими кочевыми народами. Но, пожалуй, несколько страниц, посвященных этнографическим параллелям, более выгодно показали бы место бедуинов в общей картине исторически сложившихся хозяйственно-культурных типов человечества. Возможно, было бы также целесообразным более подробно остановиться на опыте нашей страны по переводу кочевников на оседлость. Однако ясно, что эти пожелания выходят за рамки основной темы автора.

Книга Л. Штайна является новым свидетельством того, что популярная форма изложения научного материала завоевывает прочные позиции, и все больше ученых считают нужным обратиться к жанру беллетристических очерков, сделав, таким образом, итоги своих исследований доступными и широкому кругу читателей. Написанная ученым-марксистом книга «Кочевники пустыни» с ее обилием сведений о современных процессах в мире кочевников-арабов заслуживает перевода на русский язык.

В. Н. Басилов

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Willard Burgess Moore, Molokan oral tradition. Legends and memorates of an ethnic sect, Berkeley and Los Angeles, 1973, 82 p.

В свое время из дореволюционной России в США эмигрировало несколько групп сектантов-молокан (духовных христиан). Как сообщает автор рецензируемой книги, основная волна этой эмиграции приходится на 1904—1912 гг. Иммигранты расселились в ряде районов США, большинство в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско. По данным 1970 г., в первом проживает около 15 000 молокан, в организационно-конфес-

сиональном отношении составляющих семь общин, во втором — около 2000, причем лос-анджелесские молокане относятся к толку «прыгунов», а сан-францисские — к толку «постоянных». Конфессиональная замкнутость молоканских общин в какой-то мере обусловила и их этническую консервацию. Объединяемые вероисповедной общностью, молокане в иноязычной и инонациональной среде стремятся сохранять образ жизни, исторически связанный с русской дореволюционной деревней. Устная традиция используется руководящей верхушкой общин для сохранения своего влияния на подрастающее поколение и предохранения самих общин от распада в условиях американского секулярного окружения.

Этнографических работ об американских молоканах опубликовано до сих пор очень мало¹, на русском языке их нет совсем. Тем больший интерес вызывает рецензируемое издание, в котором автор не только подытожил материалы прежних публикаций по названной проблеме, но и привел данные своих собственных полевых исследований, проводившихся им в течение четырех поездок к лос-анджелесским молоканам.

В книге подчеркиваются те трудности, с которыми приходится сталкиваться исследователю, работающему среди молокан; основная — нежелание информаторов давать открытые и полные сведения о внутренней жизни общин. Что касается собственно фольклорных данных, то особенно трудно собрать материал нерелигиозного характера. Этим автор объясняет скудость и фрагментарность представляемых им фольклорных произведений этого рода и заключение о их взаимосвязи с нормативами и постулатами общины (стр. 67). Некоммуникабельность молокан в отношении не только ученых, но и властей (они отказываются, в частности, давать сведения о себе при переписях населения) автор относит не за счет их религиозных убеждений, а за счет «традиционного сопротивления бюрократическим обследованиям и манипуляциям», которое на деле было реакцией на отсутствие свободы совести в царской России².

Хотя переплетение этнических и религиозных элементов в значительной степени задержало процесс «осовременивания» духовной и материальной культуры молокан США, пожилые молокане живут в постоянном страхе, что их дети скоро будут редко посещать церковь, не захотят присутствовать на семейных молениях, откажутся носить русские крестьянские рубахи, начнут посещать кино, ездить на пляж. В беседе с автором книги тридцатилетний помощник пресвитера сказал: «Мы больше не живем в деревне, в закрытом обществе, мы уже не группы больших семей — бедных и простых... Единственно общим для нас является церковь. Отнимите ее, и у нас ничего не останется».

Собирание произведений фольклора рассматривается в рецензируемой работе не как самоцель, а как средство исследования жизни и быта молокан, поскольку в «фольклорных сказаниях отражаются экзистенциальные и нормативные постулаты молканского мировоззрения» и, помимо того, они «помогают общине поддерживать ее социальное и политическое равновесие» (стр. 68). В соответствии с этим несколько глав работы посвящено изложению исторических и вероисповедных основ молоканства в целом и «прыгунов» в частности. В этих главах преобладает материал, хорошо известный в литературе. Большой интерес представляют опубликованные автором собственные записи «повествований» (narratives) молокан-«прыгунов» района Лос-Анджелеса.

Всего приводится и анализируется 28 таких произведений. Половину из них составляют, по терминологии У. Мура, легенды, к другой половине относятся «воспоминания, воспоминания-знамения (omen-memogates), семейные предания и личные наблюдения» (стр. 66). Сами молокане классифицируют произведения своей устной традиции следующим образом: 1) случаи; 2) события; 3) знамения; 4) уроки. К «случаям» относятся воспоминания о сверхъестественных событиях, лично наблюдавших их рассказчиком или другими известными ему единоверцами; сохраняемые в коллективной памяти общины значительные по своему содержанию, важные (valid) рассказы такого типа. Еще более важны «случаи», сложные по своему содержанию, явно подвергшиеся переработке, которые именуются событиями. Рассказы о непонятных и даже загадочных, но представляющихся важными и поучительными, явлениях носят названия знамений. И, наконец, когда «знамения» уже понято, оно получает название «урока» (стр. 67). Перед нами, таким образом, произведения фольклора, по своей направленности выдержанные в религиозном духе, — автор неоднократно подчеркивает «сверхъестественное» содержание их сюжетов. В то же время он допускает существование у молокан секулярных по своему духу форм фольклора, но подпадающих фиксации исследователем из-за скрытности информаторов, избегающих нарушения соответствующих запретов.

По своей фабуле записанные сказания довольно однообразны. Из 28 приводимых записей 12 построены по стандартной схеме: «пророк» или другой выдающийся и уважаемый деятель общины, — обычно из тех, которые именуются старцами, — увидит

¹ Автор ссылается на следующие издания: P. V. Young, *The Pilgrims of Russian-Town, Chicago, 1932*; J. H. Bergokoff [Джон Бврюков?], *Molokans in America, Whittier, 1969*; William H. Moore, *Prisoners in the Promised Land, Arizona State University, 1972*.

² Небезынтересно в связи с этим отметить, что условия работы этнографов и фольклористов среди советских молокан значительно более благоприятны, ибо у нас молокане не отличаются такой замкнутостью.

опасность, угрожающую всей общине или кому-нибудь из ее членов, он предупреждает людей и советует им предпринять соответствующие меры; в результате угроза предотвращается или, по меньшей мере, ее последствия смягчаются. Грозящее бедствие может являться естественным, например, землетрясение, или социальным, например, призыв молоканской молодежи в царскую армию (речь идет о прошлых временах, когда молокане проживали еще в России).

Представляет известный интерес то обстоятельство, что в значительной своей части молоканский фольклор сосредоточен на сюжетах, связанных со страданием людей и опасностями, им угрожающими. В этом отразились условия их реального бытия,— общественного и индивидуального,— те условия, которые порождают религиозные верования и обуславливают их живучесть.

Несмотря на семейное религиозное воспитание, которое молокане дают своим детям, современная американская культура не может не оказывать влияния на молокан, особенно на молодежь. По мере того как молокане в поисках работы разъезжались по стране, они вынуждены были все больше принимать тот образ жизни, который их окружал.

Автор называет молокан «этнической сектой», чьи «язык, система верований и религиозная практика резко отличается от немолоканского мира» (стр. 71).

В последние годы проблема формирования и разложения этноконфессиональных общностей привлекает все большее внимание ученых. При этом социологические исследования показывают, что сторонников религии с каждым годом становится все меньше, падает влияние служителей культа на народные массы и молокане не представляют здесь исключения.

Автор считает, что в зависимости от того, насколько молокане сумеют сохранить свои внутренние связи, зависит способность сопротивления структуры молоканских общин влиянию внешнего мира. «Этнические секты остаются неприкосновенными до тех пор,— пишет У. Мур,— пока существуют социальные связи между членами, имеющими общее прошлое и общее будущее... Фольклор молокан помогает сохранять эту индивидуальность» (стр. 78).

В книге имеется обширная библиография, в которой указаны многие труды советских и зарубежных авторов, посвященные исследованию молокан.

И. А. Малахова

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

В. Р. Кабо. Тасманийцы и тасманийская проблема. М., 1975, 199 стр.

Хотя советские этнографы и проявляют закономерный интерес к обширному Австрало-Океаническому региону, до недавнего времени коренное население Тасмании фактически оставалось вне поля их зрения. Небольшая глава в книге «Народы Австралии и Океании» (в серии «Народы мира») ¹ да несколько статей, давно уже ставших библиографической редкостью,— вот и вся отечественная литература о тасманийцах.

А между тем тасманийцы представляют огромный интерес для историков первобытного общества, специалистов по истории культуры, религии, искусства, так как они находились на той ранней стадии развития, которая была характерна для человечества в эпоху позднего палеолита, до возникновения производящего хозяйства, и, следовательно, их экономика, материальная и духовная культура, общественные отношения и верования являются ценнейшими источниками для характеристики этих явлений столь отдаленной от нас эпохи.

Поэтому нельзя не приветствовать выход в свет книги В. Р. Кабо, заполняющей заметный пробел в нашей этнографической литературе. Книга называется «Тасманийцы и тасманийская проблема». Что же подразумевает автор под тасманийской проблемой? По его мнению, тасманийская проблема сводится к таким вопросам, как происхождение тасманийцев, определение их места на шкале общественного и культурного развития, выяснение последствий их длительной географической и культурной изоляции.

Решению этих вопросов и посвящена рецензируемая работа, которая представляет собой первый опыт комплексного подхода к тасманийской проблеме. Впервые в научной литературе предпринята попытка решить тасманийскую проблему во всем ее объеме, привлекая данные различных научных дисциплин, естественных и гуманитарных, взаимно дополняющих и корректирующих друг друга.

Комплексный метод был уже успешно применен автором при исследовании происхождения коренного населения Австралии ². И в новой работе главное внимание, на наш взгляд, автор уделяет вопросу происхождения тасманийцев, который он считает связанным с проблемой происхождения аборигенов Австралии.

¹ «Народы Австралии и Океании» («Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1956, стр. 272—281.

² В. Р. Кабо, Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии, М., 1969.